

A woman with long, wavy blonde hair stands centrally, wearing a long, flowing golden robe with intricate patterns. Her eyes are closed, and she has a serene expression. Behind her is a large, radiant halo of golden flames. Her hands are held out to the sides, palms up. On her chest is a prominent sun-like symbol. The background is a dramatic landscape with a blue sky, dark clouds, and a body of water. In the foreground, there are green plants and red flowers. The overall color palette is dominated by gold, orange, and blue.

Александр Баженов

**Бажаник. Семь
сфер. Книга XX.
Внутреннее
Солнце.**

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер. Книга
XX. Внутреннее Солнце.**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга XX. Внутреннее Солнце. /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Мира Бажаник, семнадцатилетняя дочь Артёма и Алисы, больше не сражается с Хаосом — она учится у родителей искусству целительства. Её дар — пробуждать в людях волю к жизни. Но когда в Ольховку приходит беда, с которой не справляется даже свет семи сфер — Мор Малодушия, пожирающий саму жажду жить, — Мира понимает: мир нужно исцелять на новом уровне. Собрав молодых друзей, она открывает им тайну Манипуры как «Солнца внутри». Вместе они учатся зажигать этот огонь, создавать амулеты из цитрина и пирита, ставить волевые щиты от инфекций и проклятий. Но древний дух Астенис, само воплощение упадка сил, не дремлет. Чтобы победить его, Мире придётся спуститься в подземное царство Паталу, найти Хранителя Изначального Пламени — змея Такшаку, и доказать, что воля юного сердца способна перебороть вселенскую усталость.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зов потухших глаз	5
Глава 2. Академия трёх Солнц	6
Глава 3. Урок первый: Пульсар в ладони	7
Глава 4. Зеркало для Астениса	8
Глава 5. Урок второй: Броня из янтаря	9
Глава 6. Патала: Путешествие к Корню Огня	10
Глава 7. Урок третий: Симфония Жёлтого Луча	11
Глава 8. Кольца Испытаний	12
Глава 9. Битва за Ольховку: Укрощение Астениса	13
Глава 10. Сердце, которое не гаснет	14
Глава 11. Рассвет Внутреннего Солнца (Эпилог)	15
Пролог	16
Послесловие	17
Словарик двадцатой книги	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бажаник. Семь сфер. Книга XX. Внутреннее Солнце.

Глава 1. Зов потухших глаз

«Самая страшная болезнь — не та, что разрушает тело, а та, что заставляет душу забыть, ради чего она выбрала жить».

Виктор Франкл.

Первые пациенты с угасшей Манипулой. Пчёлы деда Егора теряют волю к полёту. Профессор иммунологии Вера Павловна становится первым объектом атаки астенической сущности. Мира впервые вступает в контакт с лярвой и узнаёт имя — Эйрена. Сон о Колесе со сломанной спицей.

Глава 2. Академия трёх Солнц

«Прежде чем зажечь солнце в ладони, научись находить его в сердце».

Из «Алхимии Духа» Марии Бажаник.

Мира собирает первых учеников: скептика Илью, эмпата Киру и воина Глеба. Открытие тайны трёх уровней Манипуры: Солнце Тела (Nigredo), Солнце Воли (Albedo), Солнце Духа (Citrinitas). Первая практика — зажжение Пульсара. Цитрин, тигровый глаз, пирит — три камня, три ключа.

Глава 3. Урок первый: Пульсар в ладони

«Воля — это мускул души. Тренируй его не рывками, а постоянством».

Уильям Джеймс.

Обучение технике «солнечного дыхания». Кира впервые сбрасывает груз вины и зажигает Пульсар. Глеб осознаёт, что его воля построена на гневе, а не на любви. Илья, вопреки скепсису, создаёт искру. Три солнца начинают гореть.

Глава 4. Зеркало для Астениса

«Сила, не прошедшая испытания, — не сила, а иллюзия».

Из наставлений Такшаки.

Первое столкновение с астеническими сущностями. Использование обсидиановых зеркал для выявления лярв. У каждого ученика — своя тень: у Ильи — сомнение, у Киры — вина, у Глеба — страх. Первый урок защиты через обсидиан. Намёк на то, что Астенис — не враг, а сломанный Хранитель.

Глава 5. Урок второй: Броня из янтаря

«Янтарь — это не камень. Янтарь — это память о солнце, которое светило сорок миллионов лет назад».

Алиса Бажаник.

Создание «Янтарной брони» — энергетического кокона, не пропускающего вредоносные воздействия. Испытание с псами-стражами. Глеб строит слишком плотную броню-стену; Мира учит его быть не стеной, а корой дерева. Подготовка к спуску в Паталу.

Глава 6. Патала: Путешествие к Корню Огня

«Змея — это позвоночник Земли. И в её пасти хранится огонь, который мы ищем».
Из легенд Нагов.

Мира спускается в нижний мир. Встреча с Такшакой в Чертоге Семи Свечей. История Эйрены: как Хранительница Покоя полюбила смертного, была отвергнута и стала Астенисом. Такшака дарит Искру — первичный огонь творения.

Глава 7. Урок третий: Симфония Жёлтого Луча

«Свет имеет частоту. Воля имеет частоту. Когда они совпадают, болезнь отступает в ужасе».

Никола Тесла.

Астенис атакует Глеба, расширяя трещину в его Манипуре. Мира, ученики, Арон, Анна Степановна и дед Егор проводят коллективное исцеление звуком — Симфонию Жёлтого Луча. Глеб возвращается. Астенис впервые слышит музыку и что-то в нём дрожит.

Глава 8. Кольца Испытаний

«Когда ты смотришь в бездну, бездна смотрит в тебя. Но самое страшное — когда ты понимаешь, что бездна — это ты сам».

Фридрих Ницше.

Три ученика проходят через три Кольца: Илья встречает своё сомнение, Кира — вину, Глеб — страх. Они не побеждают тени, а принимают их. Преображение через признание. Подготовка к финальной битве.

Глава 9. Битва за Ольховку: Укрощение Астениса

«Тьма думает, что мы устали. Она не знает, что мы — дети Солнца».

Мира Бажаник.

Противостояние у старой мельницы. Астенис предстаёт в своём истинном облике. Мира не атакует, а говорит с ним. Она отдаёт Искру Такшаки и произносит слова: «Я тебя вижу». Эйрена вспоминает, кто она есть. Колесо восстанавливается. Сломанная спица затягивается.

Глава 10. Сердце, которое не гаснет

«В тот момент, когда ты решишь, что проиграл, найди одну причину не сдаваться. Этой причины достаточно».

Редьярд Киплинг.

Затишье после битвы. Появление новой ученицы — Лары, услышавшей зов. Мира создаёт Школу «Внутреннее Солнце». Илья, Кира и Глеб осмыслиют свой путь. Вечер воспоминаний и благодарности. Портрет ауры Миры, нарисованный Глебом.

Глава 11. Рассвет Внутреннего Солнца (Эпилог)

«Свет, который мы отдаём, не гаснет — он умножается».

Мария Васильевна Бажаник.

Прошёл год. Праздник в Ольховке. Тридцать семь Пульсаров в небе. Симфония Арона, серебристый мёд деда Егора, картина Алисы, подарки учеников. Мира осознаёт: она стала частью чего-то большего. Свет умножается. Двадцать третье всецветное кольцо над дубом.

Пролог

«Солнце не думает о том, как ему светить. Оно просто светит. И этого достаточно, чтобы рассеять тьму на тысячи лиг вокруг. Человек, познавший своё внутреннее солнце, становится таким же — он не тратит силы на борьбу с тьмой, он просто излучает свет».

Из наставлений Марии Бажаник.

Артём и Алиса обсуждают новую угрозу: в мире нарастает эпидемия апатии. Люди теряют волю к жизни. Мира понимает — это её вызов.

Послесловие

Размышления автора о пути Миры, о воле как о свете, о передаче знания, о любви как главной целительной силе. Благодарность читателю.

Словарик двадцатой книги

Имена, термины, камни, техники, мифические существа.

Пролог

«Солнце не думает о том, как ему светить. Оно просто светит. И этого достаточно, чтобы рассеять тьму на тысячи лиг вокруг. Человек, познавший своё внутреннее солнце, становится таким же — он не тратит силы на борьбу с тьмой, он просто излучает свет».

Из наставлений Марии Бажаник.

Артём и Алиса обсуждают новую угрозу: в мире нарастает эпидемия апатии. Люди теряют волю к жизни. Мира понимает — это её вызов.

Предисловие к двадцатой книге

Дорогой читатель!

Вот и двадцатая книга. Двадцать шагов от старого бабушкиного сундука, Школы самознания, Школы Звука до Школы «Внутреннее Солнце». Двадцать кругов по спирали, которая, как и положено спирали, возвращается к началу — но на новом витке.

Когда я начинал писать эту серию, я думала, что пишу историю Артёма. Обычного московского курьера, который нашёл в бабушкином сундуке книгу и изменил свою жизнь. Потом я думал, что пишу историю Артёма и Алисы — двух любящих сердец, которые вместе прошли через испытания, немыслимые для обычного человека. Потом — что пишу историю их друзей, их пациентов, их мира.

Но где-то после девятнадцатой книги о Школе Звука я понял: я пишу историю света. Того самого света, который горит в каждом из нас. Который передаётся от родителей к детям, от учителей к ученикам, от сердца к сердцу. Который не гаснет, даже когда кажется, что всё потеряно. Который умножается, когда им делятся.

Двадцатая книга — особенная. Не потому, что юбилейная. А потому что она открывает новую главу в истории семьи Бажаник. Мира, дочь Артёма и Алисы, та самая девочка, которую мы помним по «Архитектуре Бездны и Света» и «Мелодии Пробуждения», выросла. Она больше не ученица. Она — учитель. И её ученики — это новое поколение, которому предстоит нести свет дальше.

Эта книга — о воле. О той самой Манипуре, жёлтой сфере в солнечном сплетении, которую часто воспринимают как источник силы и власти. Но воля — это не власть. Воля — это способность вставать после падения. Способность говорить «да» жизни, даже когда она кажется бессмысленной. Способность зажигать свет не потому, что тьма страшна, а потому, что свет прекрасен.

Вы встретите здесь новых героев: Илью — скептика, который боится поверить в себя; Киру — эмпата, которая не может отпустить боль утраты; Глеба — воина, который победил смерть, но не знает, как жить дальше. Вы увидите, как они учатся зажигать свои внутренние солнца. Как они проходят через испытания, которые не могут пройти за них никакие учителя. Как они открывают в себе силу, о которой даже не подозревали.

Вы снова встретитесь со старыми друзьями: Артёмом и Алисой, которые теперь — мудрые наставники, а не главные герои; слепым музыкантом Ароном, чья скрипка по-прежнему способна исцелять души; дедом Егором, чьи пчёлы чувствуют волевое поле лучше любых приборов; Обсидианом, сыном Хаоса, принявшим свет; и, конечно, с Такшакой — древним змеем, Хранителем Земли, который откроет Мира тайну падшей Хранительницы Покоя.

Вы познакомитесь с Эйреной — той, кого называли Астенисом. С существом, которое тысячу лет назад было Хранителем Покоя, а стало воплощением Усталости. Её история — это

история о том, как любовь, отвергнутая из страха, превращается в обиду, а обида — в силу, пожирающую волю всего живого. И о том, что даже такую древнюю рану можно исцелить — если найти в себе смелость сказать: «Я тебя вижу».

Эта книга, как и все предыдущие, построена вокруг практической эзотерики. Вы узнаете, как активировать Манипуру, как создавать энергетический Пульсар, как ставить «Янтарную броню», как использовать цитрин, тигровый глаз, пирит и обсидиан. Но главное, чему учит эта книга, — это не техники. Главное — это понимание того, что внутри каждого из нас уже есть всё необходимое. Что мы не пустые сосуды, которые нужно наполнить, а спящие солнца, которые нужно разбудить.

Я надеюсь, что, читая эту книгу, вы почувствуете тепло в солнечном сплетении. Что вы захотите попробовать зажечь свой собственный Пульсар. Что вы вспомните: вы — свет. И этот свет нужен миру.

Спасибо, что прошли со мной этот путь. Двадцать книг — это много. Но свет, который мы отдаём, не гаснет. Он умножается. И я верю, что впереди — ещё много книг, много героев и много света.

С любовью и благодарностью, автор

«Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце».

Антуан де Сент-Экзюпери

«Свет внутри тебя — это не просто сила. Это здоровье твоё и тех, кого ты любишь. Храни его, как хранят огонь в очаге — не дай ветру задуть, не дай дождю залить. Ибо когда свет гаснет, первыми замерзают те, кто грелся у твоего костра».

Мария Васильевна Бажаник

Эпиграф к книге:

«Мир болен не отсутствием лекарств. Мир болен забвением того, что внутри каждого человека горит солнце. И задача целителя — не зажечь его заново, а напомнить, что оно никогда не гасло».

Из дневника Марии Васильевны Бажаник.

Глава 1. Зов потухших глаз

«Самая страшная болезнь — не та, что разрушает тело, а та, что заставляет душу забыть, ради чего она выбрала жить. Когда человек теряет смысл, его тело сдаётся без боя. И никакое лекарство не вернёт его к жизни, пока он не вспомнит, зачем просыпаться по утрам».

Виктор Франкл, «Человек в поисках смысла»

«Жёлтый цвет — самый тёплый из всех. Это цвет солнца, которое светит даже тогда, когда небо затянуто тучами. Но когда солнце внутри гаснет, никакое внешнее тепло не согреет».

Из лекции Алисы Бажаник по цветотерапии для учеников Школы самоисцеления

Август в Ольховке всегда был временем изобилия. Яблоневый сад, посаженный ещё Артёмом и Алисой два десятилетия назад, гнулся под тяжестью плодов. Воздух был густым от запаха мёда, нагретой травы и тех неуловимых, сладких эманаций, которые бывают только в конце лета, когда природа, достигнув пика своей силы, начинает незаметно готовиться к увяданию.

Но в этом году что-то пошло не так.

Мира заметила это первой. Не глазами — скорее, тем внутренним зрением, которое она унаследовала от матери и которое отец называл «сканированием ауры». Она стояла на крыльце их дома, того самого, с резными наличниками, и смотрела на дуб-великан, под корнями которого когда-то впервые появились элементали. Ветви дуба были по-прежнему зелёными, но в

их ауре, обычно переливающейся изумрудным и золотым, появились странные серые прорехи. Не дыры, не проклятия — скорее, участки, где цвет просто... ушёл на покой.

— Мам, — позвала она, не оборачиваясь. — Посмотри на дуб.

Алиса вышла на крыльцо, вытирая руки льняным полотенцем. Ей было сорок три, но выглядела она едва на тридцать пять — свечение семи сфер делало кожу гладкой, а взгляд ясным. Лишь в волосах цвета спелой пшеницы появились первые серебряные нити, которые она, впрочем, не красила, считая их знаком мудрости, а не возраста.

Она посмотрела на дуб — сначала обычным зрением, а потом «тем самым», которому учил её когда-то Артём. И нахмурилась.

— Странно, — произнесла она. — Аура дерева истончается. Но он не болен. Я не чувствую ни паразитов, ни порчи. Он просто... теряет волю к жизни.

— Деревья не теряют волю к жизни, мам. У них нет Анахаты в человеческом смысле.

— Зато у них есть эфирное тело. А эфирное тело питается от стихии Земли. Если стихия ослабевает, первыми реагируют растения.

Мира спустилась с крыльца, подошла к дубу и приложила ладонь к его коре. Тепло. Но не то тепло, которое она помнила с детства, — не живое, пульсирующее, похожее на сердцебиение. А ровное, механическое, как от остывающей печи.

— Что-то пьёт из него жёлтый свет, — прошептала она. — Именно жёлтый. Не зелёный Анахаты, не красный Муладхары. Кто-то высасывает частоту Манипуры.

Алиса ничего не ответила, но Мира заметила, как мать машинально коснулась своего кулона — того самого, с семилучевой звездой, который когда-то принадлежал бабушке Марии.

Дед Егор пришёл к вечеру. Тот самый Егор, который когда-то был одним из первых пациентов Артёма, — пчеловод с гармошкой, победивший гипертонию и обретший смысл жизни после семидесяти. Сейчас ему было далеко за восемьдесят, но двигался он всё ещё бодро, а его пасека славилась на всю округу.

Сегодня он выглядел растерянным.

— Беда, Артём, — сказал он, присаживаясь на скамейку под дубом и снимая соломенную шляпу. — Пчёлы уходят.

Артём, только что вернувшийся с вызова — лечил женщину с мерцательной аритмией, используя попеременную активацию Анахаты и Манипуры, — устало опустил рядом.

— Как уходят? Рой?

— Если бы рой... Они не роятся. Они просто... перестают летать. Садятся на соты и сидят. Не жужжат, не собирают нектар, не кормят матку. Как будто забыли, что они пчёлы. Я таких раньше не видел. А сегодня утром три семьи просто покинули ульи. Вышли и сели на землю. Сидят и не двигаются. Я их собирал руками — они не жалят, не сопротивляются. Как будто им всё равно.

Мира, сидевшая на ступеньках с альбомом для рисования, подняла голову. Она рисовала дуб — точнее, пыталась нарисовать его ауру так, как видела. Получалось тревожно: серые мазки, которые она интуитивно смешивала с жёлтой охрой.

— Деда Егор, — спросила она, — а когда это началось?

— Да вот уже неделю как. Сначала думал — погода. Август дождливый был. Но сейчас-то солнце, тепло. А они всё равно не летают.

Мира переглянулась с матерью. Неделю назад она впервые заметила серые пятна на ауре дуба.

Артём поднялся и подошёл к одному из ульев. Закрыв глаза, активировал Вишудху и Анахату — ту связку, которая позволяла ему слышать «голоса» живых существ. Пчёлы, которых ещё вчера дед Егор перенёс обратно в улей, сидели на сотах. Их коллективное сознание, обычно гудящее, как хорошо настроенный орган, молчало.

Нет, не молчало. Оно издавало один-единственный звук — низкую, монотонную ноту на частоте, близкой к инфразвуку. Артём узнал эту ноту. Это была «Си» — нота Сахасрары, но искажённая, опущенная на две октавы ниже, словно кто-то пытался запеть песню высшего смысла, но сорвал голос и теперь издавал только хрип.

— Они не больны, — сказал он наконец. — Они потеряли волю. Не инстинкт — инстинкт у них как раз работает. Они потеряли именно жажду. Жажда лететь, собирать, служить улью.

— Разве у насекомых есть Манипура? — спросила Алиса.

— У них есть коллективная Манипура. У каждой пчелиной семьи — свой эгрегор, своё волевое поле. И кто-то это поле глушит.

Первый пациент из людей пришёл на следующее утро.

Это была женщина лет сорока, которую Мира раньше не видела. Она приехала из соседнего района — видимо, кто-то из бывших учеников Школы порекомендовал. Её звали Вера Павловна, и она была профессором иммунологии. Мира знала этот тип пациентов: успешные, образованные, скептически настроенные, но доведённые до отчаяния тем, с чем официальная медицина справиться не могла.

Но случай Веры Павловны был особенным.

— Я изучаю иммунитет двадцать лет, — сказала она, сидя в гостиной бажаниковского дома и нервно теребя ремешок сумки. — Я знаю, как работают Т-клетки, цитокины, иммуноглобулины. Но вот уже два месяца мой собственный иммунитет разрушается без всякой видимой причины. Анализы ничего не показывают — ни ВИЧ, ни аутоиммунных маркеров, ничего. Но я чувствую, как моё тело перестаёт защищаться. Я подхватываю любую инфекцию, любую простуду. Вчера я чихнула от сквозняка и слегла с температурой.

Артём, сидевший напротив, смотрел не на её лицо, а на область солнечного сплетения. Там, где у здорового человека сияет жёлто-золотой шар Манипуры, у Веры Павловны зияла... нет, не пустота. Что-то другое.

Он прикрыл глаза и переключился на то зрение, которое открылось у него много лет назад, после активации Аджны. И вздрогнул.

К Манипуре пациентки присосалось нечто. Оно не имело чёткой формы — скорее, напоминало сгусток серого тумана, внутри которого лениво вращалась багровая искра. Это не было ни живым, ни мёртвым в привычном понимании. Это было похоже на паразита, но не из плоти, а из самой идеи. Идеи упадка.

Артём вспомнил старую классификацию, которую когда-то давала бабушка в своих заметках на полях книги. Паразиты нижнего астрала делятся на три категории: лярвы (питаются эмоциями), упыри (питаются жизненной силой) и... астенические сущности. Третья категория была описана скупой, с пометкой «редко, но крайне опасно». Они питаются не эмоциями и не силой. Они питаются волей.

— Вера Павловна, — сказал он, открывая глаза. — Когда вы впервые почувствовали, что теряете интерес к жизни?

Женщина вздрогнула и отвела взгляд.

— Я не теряла интерес к жизни. Я люблю свою работу. У меня двое детей, внук...

— Я не говорю, что вы потеряли интерес. Я спрашиваю, когда вы почувствовали, что он начал угасать.

Повисла пауза. За окном прожужжала одинокая пчела — одна из тех немногих, что ещё не покинули улы деда Егора.

— Три месяца назад, — произнесла Вера Павловна глухо. — Я защитила докторскую диссертацию. Двадцать лет работы. Меня поздравляли коллеги, студенты, семья. А я сидела в банкетном зале и думала: «И что дальше?» В тот момент я почувствовала, что внутри что-то выключилось. Как будто я всю жизнь карабкалась на гору, а когда достигла вершины, увидела, что за ней — только пустота.

Мира, которая до этого молча сидела в углу с альбомом, вдруг подняла голову. Она вспомнила слова из бабушкиного дневника — те, что были написаны не чернилами, а словно выжжены на бумаге: «Берегись пустоты после достижения. Это любимое блюдо астенических тварей».

— Пап, — сказала она тихо, но твёрдо. — Можно я попробую?

Артём обернулся. Мира стояла, прижимая к груди альбом, и в её глазах — серых, с янтарными крапинками, унаследованными от Алисы, — горел тот особый огонь, который он хорошо знал. Огонь предвидения, помноженный на юную, ещё не знающую поражений отвагу.

— Что ты хочешь сделать?

— Я хочу поговорить с этим... существом. Не изгнать — сначала понять, что это такое.

Артём хотел возразить — он, как любой отец, инстинктивно оберегал дочь от опасности. Но Алиса, стоявшая в дверях, едва заметно кивнула. Она помнила себя в этом возрасте. И помнила, как важно для юного целителя провести своё первое самостоятельное исцеление.

— Хорошо, — сказал Артём. — Но я буду держать страховку.

Мира подошла к Вере Павловне и села напротив. Закрыла глаза и активировала все семь сфер — одна за другой, от красной Муладхары до фиолетовой Сахасрары. Она делала это так же естественно, как дышать, — родители начали учить её медитации с пяти лет, и к семнадцати годам управление сферами стало для неё таким же привычным, как ходьба.

Но сегодня она активировала их не для защиты и не для атаки. Она хотела услышать.

Сначала пришла тишина — глубокая, ватная, как бывает, когда ныряешь в воду с головой. Потом сквозь эту тишину проступил звук. Не голос в привычном смысле — скорее, вибрация на грани восприятия. Она напоминала стон, но не боли, а бесконечной, вселенской усталости.

«Зачем вы боретесь? — говорила вибрация. — Зачем цепляетесь за жизнь? Она так коротка, так бессмысленна... Любые достижения — пыль. Любая радость — мираж. Отпустите. Усните. Во сне нет боли, нет разочарований, нет усталости...»

Мира почувствовала, как её собственная Манипура начала вибрировать в ответ на этот голос. По телу разлилась предательская слабость, веки налились тяжестью. Какая-то часть её существа — та, что вечно сомневалась, та, что уставала от бесконечных тренировок и ответственности, — отозвалась на этот зов.

Но Мира вспомнила кое-что. Вспомнила тот день, когда отец водил её в Паталу — подземное царство Нагов, — и старый Такшака, мудрый змей, сказал фразу, которую она записала в свой альбом и перечитывала каждый раз, когда становилось трудно:

«Воля — это не крик. Воля — это тихое „нет“, сказанное пустоте. Скажи его, и пустота отступит. Не потому что ты сильнее — потому что она не выносит, когда её замечают».

Мира открыла глаза и заговорила. Не с пациенткой — с тем, что присосалось к её Манипуре.

— Я тебя вижу, — произнесла она спокойно. — Я не знаю, кто ты и откуда, но я тебя вижу. Ты питаешься усталостью, но сам ты — не усталость. Ты что-то другое. Что-то, что когда-то было... иным.

Серая тень над солнечным сплетением Веры Павловны дрогнула. Багровая искра внутри неё запульсировала чаще, и Мира на мгновение показалось, что она видит образ — не мысль, не слово, а именно образ. Огромное колесо, вращающееся в пустоте. У колеса было семь спиц, и шесть из них были целы, а седьмая — сломана.

— Ты — часть чего-то большего, — прошептала Мира. — Чего-то очень древнего. Ты — осколок. Что с тобой случилось?

Ответом был вой — беззвучный, но такой силы, что Мира пошатнулась. Артём мгновенно активировал «золотую сеть» — защитный контур, сотканный из чистой энергии Манипуры, — и накрыл им дочь и пациентку.

Лярва — или то, что раньше казалось лярвой, — начала отделяться от ауры Веры Павловны. Это было не изгнание и не убийство. Оно уходило само, испуганное тем, что его заметили и назвали по имени — вернее, назвали тем, чем оно было: осколком.

Через минуту всё было кончено. Тень растаяла, а Вера Павловна глубоко вздохнула — так, словно до этого несколько месяцев дышала через соломинку, и вдруг ей дали полную грудь воздуха.

— Что это было? — спросила она, глядя на Миру с изумлением и благодарностью.

— Я пока не знаю, — честно ответила Мира. — Но я знаю, что вы не единственная. И что это только начало.

Вечером того же дня, когда Вера Павловна уехала, получив подробные рекомендации по работе с Манипулой и горсть цитриновых кристаллов для ежедневной подзарядки, семья собралась за ужином.

Артём молча ел гречневую кашу с грибами — Алиса, верная принципу «здоровье через питание», готовила только то, что резонировало с частотами семи сфер. Мира ковыряла вилкой морковную котлету и думала.

— Пап, что ты знаешь об астенических сущностях? — спросила она наконец.

Артём отложил вилку.

— Немного. Бабушка упоминала их в заметках. Они очень редки. Последний раз активность такого масштаба была зафиксирована... — он запнулся.

— Когда?

— В четырнадцатом веке. Во время эпидемии чумы, известной как Чёрная смерть. Тогда, согласно хроникам ордена, который потом стал Хранителями Граней, люди умирали не только от чумной палочки. Многие умирали от потери воли к жизни. Астенические сущности питались паникой, страхом и безнадёжностью. Они были настолько сильны, что проецировали своё влияние на целые города.

— Но почему они вернулись сейчас?

— Не знаю, — Артём посмотрел на жену. — Алиса, что думаешь?

Алиса, которая до этого задумчиво смотрела в окно, где на фоне закатного неба чернел дуб, медленно произнесла:

— Я думаю, что они никогда не уходили. Просто у них не было повода для такого массового выхода. А сейчас... Посмотрите на мир. Люди перестали понимать, зачем живут. Технологии дали им всё — комфорт, безопасность, мгновенное удовлетворение желаний. Но вместе с этим они забрали смысл. Когда у тебя есть всё, тебе не к чему стремиться. А без стремления Манипура угасает.

— И угасшая Манипура — это как открытая рана для астенических сущностей, — закончила Мира. — Я поняла.

Она встала из-за стола, подошла к книжному шкафу и достала старую бабушкину книгу — ту самую, с которой начался путь её отца. Кожаный переплёт, серебряная семилучевая звезда на обложке, пожелтевшие страницы, испещрённые бабушкиными пометками.

Она открыла книгу на той странице, которую помнила смутно, и нашла то, что искала. Запись, сделанная не чернилами, а золотистой тушью — так бабушка помечала самые важные мысли.

«Солнце внутри человека — Манипура — не просто источник энергии. Это дверь. С одной стороны двери — воля к жизни, здоровье, жажда творить и любить. С другой — бездна, имя которой Усталость. Дверь открывается в обе стороны. Задача целителя — не запереть дверь, а научить человека выбирать, с кем ему говорить: с Солнцем или с Бездной. Потому что Бездна умеет говорить убедительно. Она обещает покой. Но покой её — это смерть при жизни».

Мира закрыла книгу и посмотрела на родителей.

— Мам, пап. Я хочу попробовать собрать группу. Из моих друзей. Тех, кто хочет учиться. Я хочу научить их активировать Манипуру. Не так, как учат обычных пациентов — для здоровья. А для защиты. Для битвы.

— С кем ты собираешься сражаться? — спросил Артём.

— Пока не знаю. Но я чувствую, что это только начало. То, что присосалось к Вере Павловне, — это разведчик. Авангард. За ним стоит кто-то или что-то гораздо более могущественное. И если мы не подготовимся сейчас, потом может быть поздно.

Артём и Алиса переглянулись. В этом взгляде было всё: тревога за дочь, гордость за её решимость, воспоминание о собственной молодости, когда они так же стояли на пороге неизвестности и решали, идти или остаться. И ещё — глубокое, спокойное понимание: их дочь выросла. Она больше не нуждается в защите. Она нуждается в благословении.

— Хорошо, — сказал Артём. — Собирай свою группу. Мы поможем.

Алиса улыбнулась и добавила:

— И начните с тигрового глаза. Это камень, который учит волю быть гибкой. Вам понадобится гибкость.

Ночью, когда все уснули, Мира сидела у окна своей комнаты и смотрела на звёзды. В руке она держала жёлтый цитрин — тёплый, как будто хранящий в себе закатное солнце.

Она думала о словах бабушки. О двери, которая открывается в обе стороны. О бездне, которая обещает покой.

И ещё она думала о сломанной спице в колесе. О шести целых и одной сломанной. Что это за Колесо? Кто его создал? И кто сломал седьмую спицу?

Она не знала ответов. Но она знала, что завтра начнёт искать.

А где-то далеко, за пределами человеческого восприятия, в пространстве между сном и явью, между волей и усталостью, древнее Колесо продолжало вращаться. И от его сломанной спицы по миру расходились серые тени, нащёптывая спящим людям:

«Отдохните. Усните. Борьба бессмысленна. Покой — это единственное, что реально...»

И лишь немногие слышали в этом шёпоте фальшивую ноту. Ноту, которая когда-то была самой прекрасной в симфонии творения, но теперь звучала как скрежет ржавого железа.

Ноту, которую звали Эйрена.

Ноту, которая стала Астенисом.

«Солнце не думает о том, как ему светить. Оно просто светит. И этого достаточно, чтобы рассеять тьму на тысячи лиг вокруг. Человек, познавший своё внутреннее солнце, становится таким же — он не тратит силы на борьбу с тьмой, он просто излучает свет. Но что делать, если тьма — это тоже часть солнца? Его уставшая часть? Его тень, мечтающая о покое?»

Из неопубликованных записей Марии Бажаник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.